

ПРЕДИСЛОВИЕ

Каждого из нас по большому счету составляют наши субъективные мнения. Мы беспрестанно оцениваем внешний мир, вынося вердикты, расставляя акценты, определяя своих и чужих. Именно на этих оценках держится наше трепетное и не всегда верное понимание жизни. Однако прежде всего мы оцениваем самих себя.

Занятие это временами радует, временами пугает, но самое важное заключается в том, что, предаваясь ему, мы неизбежно становимся похожи на одного персонажа из классической русской литературы, который «еще в детстве своем бегал сам за собою вокруг бочки».

Преодолеть болезненный вопрос нашей собственной значимости можно одним-единственным способом — остановиться и выслушать мнение окружающих на свой счет. Скорее всего, оно нас обескуражит, однако в нем содержится то преимущество, что в дальнейшем оно позволит бежать не вокруг бочки, а прочь от нее. И это в целом освобождает.

Народы и государства в отношении сказанного ничем не отличаются от каждого из нас. Одни, заткнув уши, бегают по кругу, другим интересно мнение со стороны. Книга, которую вы сейчас открыли, является как раз таким мнением о России.

Написанная кадровым британским офицером во второй половине XIX века, она создает картину, слегка непохожую на ту, что мы привыкли видеть у русских классиков. Она прежде всего отличается именно оценочными суждениями. Автор не просто описывает, он всему ищет цену. Подобно приказчику, оказавшемуся в чужом магазине, он переставляет товары с полки на полку, меняет их местами, удивляется поведению хозяина, что-то находит разумным, что-то ругает, над чем-то иронизирует, а главное — всячески дает понять, что в его собственной лавке все расставлено так, как надо. Забавные ляпы в изображении российской действительности (к примеру, используемое в диалогах обращение «маленький отец», калькой переведенное автором с традиционного в XIX веке для русских слова «батюшка») порой продиктованы невнимательностью и природным высокомерием англичанина, но по временам за ними явно угадываются задачи пропагандиста.

Книга была написана в самый разгар так называемой «Большой игры», ведущейся между Российской и Британской империями за мировое господство, и потому ее «направление», как выразились бы в XIX веке, имеет строго политический характер. Чудесные зарисовки нашего быта и нравов, сделанные весьма талантливой рукой, играют в книге роль сопутствующего материала. Форма популярных у читателя путевых очерков избрана автором с целью максимально широкого внедрения важного для него идеологического конструкта, в рамках которого народы России должны восприниматься массовым европейским сознанием как полудикие отсталые орды, погрязшие в невежестве и радикальном клерикализме. Огромный успех книги на родине автора во многом способствовал созданию именно такого образа, укрепившегося в восприятии англичан и других европейцев на весь XX век.

Забавным здесь, пожалуй, служит тот факт, что само путешествие Фредерика Барнаби в Россию и Среднюю Азию, сами его причины, задачи и формальный метод реализации — все это зеркально скопировано с похода капитан-лейтенанта Невельского на Дальний Восток двадцатью с небольшим годами ранее. То есть за опытом важнейших политических мероприятий своего времени просвещенные британцы обратились почему-то к полудиким, по их мнению, и абсолютно невежественным русским. Правда, в отличие от Невельского, британский его коллега в своем предприятии не преуспел. Если в результате стремительных действий Амурской экспедиции Российская империя приросла гигантскими территориями и начала создавать свой Тихоокеанский флот, то поход Барнаби, сколь бы важен он ни был для британского правительства, увенчался решительной пустотой. Ни одно воинское подразделение, расквартированное под английским флагом в Индии, в итоге не двинулось в Среднюю Азию. Успех пришел исключительно к автору книги.

Читать ее доставляет глубокое удовольствие, поскольку Фредерик Барнаби, будучи боевым офицером, обладал к тому же хорошим литературным вкусом, отличным слогом и прекрасным чувством юмора, которое не раз и не два заставит вас рассмеяться. Особую признательность мне бы хотелось выразить доброму моему другу Максиму, прочитавшему роман «Роза ветров» и обратившему мое внимание на несомненное сходство между походами русского моряка и британского кавалериста.

*Андрей Геласимов,
заслуженный деятель искусств Российской Федерации*

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	25
--------------------	----

ГЛАВА I

Информация о Хиве — Холод в России — Восточный ветер — Российские власти — Граф Шувалов — Генерал Миллю- тин — Христианство и цивилизация — Англо-русские железные дороги в Средней Азии — Подготовка к путе- шествию — Спальный мешок — Пилюли Кокля — Ору- жие — Инструменты — Кухонные принадлежности	33
---	----

ГЛАВА II

Пояс для денег — Прислуга в путешествии обременяет — Кёльн — Русский дипломат — Газета «Север» — Мистер Дизраэли и акции Суэцкого канала — Барон Рейтер — Штраусберг — Проверка паспортов — Спальный ме- шок — Железные дороги в России — Буфеты — Неува- жение русских к течению времени — Чиновников легко подкупить — Санкт-Петербург — Извозчики на саних — Ни одной русской пьесы в театрах — Нелюбовь русского человека к родному языку — Его презрение ко всему ис- конно русскому — Воинский <i>tchin</i> — Деревенский трак- тир — «Джонка» — Табльдот — Рыбные супы — Индия и образование — Зачинщики — Скрытность генерала Ка- уфмана — Мистер Скайлер — Бисмарк и русский язык — У каждого своя цена — «Сезам, откройся» — Письмо генералу Милютину — Отсутствие брата графа Шувалова в Петербурге	42
---	----

ГЛАВА III

Волга замерзла — Конец навигации на Каспийском море — Граница России на Востоке — Изобилие мнений в России — Кляп во рту прессы — Забота генерала Милютинина о моей безопасности — Неосведомленность служащих на вокзале — Ящик с патронами — Повстанцы в Герцеговине — Пожертвования — Англия занята стяжательством — Союзничество Австрии и Англии — Прибалтика — Ненависть русских к Австрии и Германии — Политика Бисмарка — Консул ее величества в Москве мистер Лесли 59

ГЛАВА IV

Начальники станций — Задержки поездов — Мошенничество на железной дороге — Крепостной дух — Идеи социализма и нигилизма — Император Александр и религиозное влияние в России — Церковная вертикаль могущественной царя — Залы ожидания в Ряжске — Суеверие и грязь — Сызрань 69

ГЛАВА V

Двадцать градусов ниже нуля — Провизия — Волки по соседству — Наша тройка — Поездка по Волге — Цены на зерно — Мост, возводимый через реку — Стерлядь — Уральские казаки — Как поймать осетра — Три вида икры 76

ГЛАВА VI

Полынья — Трудный выбор — Надо ехать по воде — Подготовка к прыжку — Цены на землю — Наша первая остановка — Просеивание зерна — Идолопоклонничество в России 84

ГЛАВА VII

Мороз пощипывает — Измученные лошади — Ямщицкое понимание расстояний — Остановка — Наши нечаянные соседи — Набожный, но немый торговец — Величественный рассвет — Уговор есть уговор 91

**ПОЕЗДКА
В ХИВУ**

ВВЕДЕНИЕ

Тесная комната со скудным набором самой простой мебели; телеграфное оборудование, разбросанное по углам вперемешку с винтовками и деревянными ящиками, часть из которых набита патронами, а в других — провизия для похода; на шатком деревянном столике пара бутылок с наклейками «хинин»; несколько мужчин разных национальностей, говорящих одновременно и создающих атмосферу вавилонского столпотворения, — такова была обстановка вокруг автора этих строк, сидевшего, опираясь на подоконник, и посматривавшего время от времени на старый выпуск одной английской газеты.

Собрались мы все у одного немецкого джентльмена, который покинул свой Фатерлянд и проехал тысячи миль в погоне за предложенным ему местом суперинтенданта и главного управляющего на одной важной и весьма протяженной линии проведенного сюда в Африку не так давно телеграфа. Изящная девушка с огромными темными глазами, белыми, как жемчуг, зубами и оливковой кожей, облаченная в платье восточного покроя и совершенно непохожая на белокурох красавиц Европы, разносила крохотные чашки кофе самым оживленным говорунам в этой комнате — итальянцу, арабу и англичанину, — в то время как первый из них, отчаянно жестикулируя, принял на себя роль переводчика в разговоре двух своих собеседников, очевидно неспособных прийти к согласию в крайне важном для них вопросе. Яркое

солнце заливало своими лучами широкую водную гладь лазуритового цвета, величественно струившуюся у самого нашего обиталища, и нагревало воздух в комнате до практически невыносимого состояния. Это был февраль месяц. В Англии люди тряслись от холода у своих каминов или брели под снегом в грязи и слякоти, а я находился в Хартуме, на Белом Ниле, только что вернувшись после визита к полковнику Гордону, преемнику сэра Самюэля Бейкера.

Может, конечно, показаться странным то, что рассказ о путешествии в Среднюю Азию я начинаю из сердца Африки, и тем не менее, если бы не фраза, произнесенная одним из джентльменов в той самой тесной комнатушке, которая была описана мною выше, я бы, скорее всего, никогда не отправился в Хиву. Разговор тем временем стих, поскольку араб и англичанин при живейшем участии итальянца пришли наконец к согласию в щекотливом вопросе о том, должен ли славный сын Альбиона, завершивший свою офицерскую службу при вице-султане Египта, получить причитающееся ему жалованье в полном объеме; магометанин придерживался того мнения, что услуги христианина необходимо оплатить с некоторыми вычетами, так как местные египетские чиновники всегда подвергались подобной схеме налогообложения. Мой английский друг, однако, видел эту проблему совершенно в ином свете: он дал согласие служить за определенную сумму — именно эту сумму он и должен получить. А если араб не заплатит, он будет жаловаться вице-султану. Когда это финальное заявление было в подробности переведено египтянину, вышеупомянутое должностное лицо уступило. Соотечественник мой, разрешив спор к своему полному удовлетворению,

подошел ко мне и тоже стал созерцать в окно живописные окрестности.

Пейзаж был поистине великолепен. Голубой Нил, шириной в этом месте почти в полмили, лежал у наших ног ровный и спокойный, словно отлитый из стекла. Бескрайнюю гладь усеивали многочисленные туземные лодки и баржи, тут и там стояли на якорях *нуггары* — огромные парусные баркасы, часто используемые арабами в последние годы для целей работоторговли. Ватаги черных, как эбонит, грузчиков с голыми торсами и прекрасной мускулатурой, узлами проступающей на их телах, деловито управлялись с грузом слоновой кости, предназначенным для Каира. Гигантское водяное колесо, или на местном наречии — *саких*, используемое в целях орошения, медленно вращалось, будучи приведенным в движение объединенными усилиями ослика и быка. Дикая вопли негритенка, чья работа состояла в яростном понукании, если скотина вдруг станет лениться, странным образом дополняли протяжный скрип тяжелой деревянной конструкции.

— Интересно, где мы все будем в это время через год, — неожиданно заметил мой товарищ.

— Бог знает, — был мой ответ, — но вряд ли я снова окажусь на Белом Ниле; если доведется еще раз приехать в Африку, то я, пожалуй, выберу другое место на континенте.

Именно в этот момент взгляд мой упал на один параграф в газете. Речь там шла о решении правительства в Санкт-Петербурге, согласно которому иностранцам запрещалось путешествовать по Русской Азии, а также о том, что одного англичанина, попытавшегося совершить поездку в этом направлении, местные власти развернули назад.

С раннего детства я, к несчастью для моих собственных интересов, отягощен тем, что старая моя няня называла весьма «поперечным» характером, и мне тут же пришлось в голову — а почему бы не отправиться в Среднюю Азию?

— Пожалуй, попробую, — сказал я.

— Куда? В Тимбукту? — спросил мой друг.

— Нет, в Среднюю Азию. — И я указал ему на тот самый параграф.

— Вам туда не попасть, они вас остановят.

— Могут, если захотят, но не думаю, что у них получится.

Вот так пустынное происшествие породило в моей голове мысль о новой попытке добраться до Хивы.

Несколькими годами ранее, накануне вторжения русских в те края, у меня уже возникало намерение поехать туда. Я даже приступил к исполнению этого плана, рассчитывая найти путь в Хиву через Персию и Мерв, с тем чтобы быть с хивинцами на момент русской атаки. Однако этому предприятию не суждено было претвориться в жизнь. Брюшной тиф, подхваченный мною, пока я спешил по дорогам Италии, на четыре месяца приковал меня к больничному одру. Отъезд мой, таким образом, сложился в манере совершенно иной, нежели задумывалось изначально, и жизнь моя, как это принято говорить, оказалась на кону в еще даже большей степени, чем если бы я попал в пленники к самым яростным туркменским фанатикам в Средней Азии. Военная кампания завершилась без меня. Боевых действий более не предвиделось. Наши государственные мужи наконец узнали истинную цену обещаниям русских. Самарканд был аннексирован и отошел к владениям батюшки царя, договор по Черному морю отвергнут, а на территории Хивы расквартировались русские войска.

Согласно некоторым политикам, Хива лежала слишком далеко от Индии, чтобы для Англии стало по-настоящему важным, аннексирует ее Россия или нет. Находились и такие, кто заявлял, что Англии даже лучше, если русские в итоге дотянутся до наших индийских границ. Вместо диких афганских племен нашим соседом станет цивилизованная нация. Третий аргумент в защиту действий либерального правительства состоял в утверждении малой значимости Индии для нас как таковой, и, поскольку она обходится нам чересчур дорого, за нее не только не стоит сражаться — ее следует кому-то отдать. Таково было мнение некоторых облеченных высокой властью мужей, весьма низко ценивших одну из ярчайших драгоценностей британской короны. Большинство наших правителей вообще не придавало особенного значения этому вопросу. На мой век Индии хватит, говорили они; Россия все еще далеко; а внуки наши пускай сами заботятся о себе. «Довольствуйся малым» — вот, следовательно, корень зла; и «После нас хоть потоп». Так или иначе, индийской проблеме позволили выпасть из сферы общественного внимания, а умы наших законодателей с нарастающим интересом устремились к изучению важнейшего вопроса, по которому следовало принять решение, — позволить ли англичанам посещение пабов после одиннадцати часов вечера или отправлять их ко сну без выпивки и на голодный желудок.

Следующей осенью разразилась Карлистская война, и я отправился в Испанию. Спустя какое-то время положение дел в Средней Азии перестало занимать мои мысли. Лишь после реплики моего друга, ответившего мне: «Вам туда не попасть, они вас остановят», я вдруг задумался о возможной причине проводимой российским

правительством политики, которую вполне можно было бы понять, исходя от столь варварского государства, каковым является Китай, но в практике даже наполовину цивилизованного общества выглядит происшествием уникальным. Запрет на въезд иностранцев показался мне особенно вопиющим в свете того, что, начиная с Петра Великого, возродившего в свое время Россию, его преемники неизменно поощряли обитателей Западной Европы в их желании посетить и свободно путешествовать по всем пределам империи. Если бы не представители немецкой культуры, столь многочисленные в среде российской аристократии, эта страна вряд ли смогла бы достичь даже своего нынешнего положения. Из всех царей Московии за последние двести лет нынешний император, пожалуй, наиболее живо ратует за всемерное развитие ценностей цивилизации на подвластных ему землях путем привлечения иностранцев, чаще всего немцев, к работе почти всякого департамента в империи. Таким образом, репрессивные меры, о которых я говорю, совершенно отсекающие среднеазиатскую Россию от любых контактов с более цивилизованными жителями Европы, оказались в очевидном противоречии ко всей предыдущей линии поведения, характерной для его царствования.

Значит, кое-что осталось за сценой — нечто такое, что хотели скрыть от глаз просвещенной Европы.

Любопытно — что?

Быть может, генералы в Средней Азии слишком жестоко вели себя по отношению к жителям захваченных районов, и опасение того, что весть об этом дойдет до императора, — не из русских источников, разумеется, ибо это уж совсем невозможно, а через иностранную прессу, — послужило причиной запрета? Или, вполне воз-

можно, если население вновь обретенных территорий даже не подвергалось крайнему насилию, то само управление им велось из рук вон плохо, и взяточничество с коррупцией, имеющие место в западной части России, пустили более глубокие корни, будучи перенесены на почву Востока? А может, власти в Туркестане, на всей этой огромной территории, приобретенной Россией за последние несколько лет, боялись раскрыть Европе тот факт, что вместо возвышения моральных принципов у жителей Средней Азии, наоборот, русские попали под их влияние и опустились до ориентального уровня, приобретя пороки и развращенные привычки Востока?

Судя по отзывам тех немногочисленных путешественников, кому удалось проникнуть в этот сравнительно неведомый край, любая из приведенных выше гипотез могла претендовать на то, чтобы служить причиной запрета. Однако я был не в силах избавиться от чувства, будто за сценой осталось нечто большее, нежели простое желание закрыть глаза Европе или выглядеть провозвестниками христианства — на чем настаивала часто русская пресса в попытках оправдать саму систему аннексии, столь планомерно реализуемую правительством. Помимо всего этого, присутствовало что-то еще; нечто такое, в чем, по моему глубокому убеждению, были замешаны интересы Великобритании. Воля Петра Великого, или точнее — его устремления не остались забыты его преемниками. Доказательством служит сравнение карты России в том виде, как она выглядела в его эпоху, с нынешними ее очертаниями. Составитель недавней штабной карты Туркестана, датированной 1875 годом, не удосужился даже наметить пограничную линию между точкой $39^{\circ} 2'$ с. ш., $69^{\circ} 38'$ в. д. и точкой $44^{\circ} 40'$ с. ш., $79^{\circ} 49'$ в. д.,

демонстрируя тем самым, что, по его мнению, граница еще не достигнута. Когда же они поставят себе этот предел? Когда и, главное, где остановится русское продвижение? В Гималаях? Или у Индийского океана? Это вопрос не к нашим внукам и не к нашим детям. Это вопрос к нам самим.

ГЛАВА I

Информация о Хиве — Холод в России — Восточный ветер — Российские власти — Граф Шувалов — Генерал Милютин — Христианство и цивилизация — Англо-российские железные дороги в Средней Азии — Подготовка к путешествию — Спальный мешок — Пилюли Кокля — Оружие — Инструменты — Кухонные принадлежности

Приняв решение отправиться в Среднюю Азию, я задался вопросом, как именно осуществить это намерение. По возвращении из Африки в Англию я с охотой прочел все, какие сумел найти, книги, содержавшие хотя бы толику информации о том крае, куда я собирался. Одна за другой были проштудированы «Путешествия» за авторством Вамбери, «От Герата до Хивы» Аббота, а также «Военные действия на Оксусе*» Мак-Гахана. Узнав о тех трудностях, которые преодолел отважный корреспондент газеты «Нью-Йорк Геральд», прежде чем ему удалось претворить в жизнь свой план добраться до Хивы, я пришел к убеждению, что поставленная мною задача сложна до чрезвычайности.

Время года, выпадающее на начало моего путешествия, представляло собой дополнительное препятствие для всего предприятия. Покинуть свой полк я мог лишь в декабре, тогда как опыт моих предыдущих поездок по России

* Одно из названий реки Аму-Дарьи. (Здесь и далее примечания переводчика.)